

УДК 821.112.2

МОТИВ ОДИНОЧЕСТВА В РОМАНЕ Г. ГЕССЕ «ПАЛОМНИЧЕСТВО В СТРАНУ ВОСТОКА»**В.Н. САПЕГА***(Представлено: д-р филол. наук, проф. А.А. ГУГНИН)*

Рассматривается художественная реализация восточной темы в романе Г. Гессе «Паломничество в Страну Востока» («Die Morgenlandfahrt», 1931) через анализ мотива одиночества. Показано, что данный мотив используется писателем для раскрытия многосложной души личности творческого склада ума. Чувство одиночества героя романа Г. Г. вызвано его неспособностью принять мир обывателей с характерным для него упадком моральных ценностей и искусства. Г. Г. стремится найти предназначение художника-творца, обрести внутреннюю целостность и гармонию, состояние истинного счастья. Раскрывается влияние философских течений Китая (даосизма, концепции инь и ян) на роман Г. Гессе «Паломничество в Страну Востока».

В творчестве немецкоязычного писателя Германа Гессе (Hermann Hesse, 1877–1962) прослеживается значительное влияние философии Востока. Гессе вырос в семье pietистов-миссионеров и в восточных религиях видел не только экзотическую мудрость, но и способ мышления, который повлиял на его собственное мировоззрение. Интерес к Востоку в семье Гессе, освоение древнеиндийских и древнекитайских текстов, путешествие в такие страны Востока, как Малайзия, Суматра и Шри-Ланка, способствовали глубокому проникновению писателя в восточное мировосприятие. Герман Гессе использовал формы и принципы восточного мышления в создании ментально-духовной модели мира и художественной реальности своих произведений, которые благодаря этому исполнены сложной символикой [1].

Гессе, таким образом, еще в начале XX века почувствовал, что философия, как и религия, не имеет национальных и культурных границ и художественно воплотил это осознание. В обращении к религии и философии Востока немецко-швейцарский писатель видел способ остановить нравственную деградацию западного общества. Своей жизнью и творчеством Гессе показал пример плодотворного взаимодействия культурно-философских идей Запада и Востока. Для его творчества характерен ярко выраженный автобиографизм.

Формы художественного воплощения восточной темы в творчестве Германа Гессе весьма разнообразны. Одной из определяющих форм является мотив одиночества. Герои писателя, ставшие на путь духовного развития, испытывают непонимание со стороны общества и большую часть своей жизни находятся наедине с собой. Человеческая цивилизация со своим технократизмом и культурой, переживающей упадок моральных ценностей, является помехой на пути к истинному «я» человека, заглушает внутренний божественный голос, поэтому герои романов Гессе вынуждены обособляться от бюргерской среды.

Герман Гессе развивает проблему одиночества личности духовного склада ума, художника-творца, в романе «Паломничество в Страну Востока». Главный герой данного произведения является писателем. Интересным становится имя героя романа, которое полностью не названо, нам известны лишь инициалы Г. Г., которые можно сопоставить с именем самого Германа Гессе. Г. Г. совершает путешествие в Страну Востока, которая не может быть выделена в качестве конкретного географического объекта. Она не ограничена никакими пространственными и временными пределами. Путешествие, заявленное в названии романа, является своеобразным странствием главного героя в глубины своего внутреннего «я». Г. Г. является членом Братства, которое совершает паломничество. В данном Братстве он выполняет роль скрипача и рассказчика сказок.

У каждого члена этого Братства помимо общей цели (о которой повествователь настоятельно умалчивает) есть и своя собственная. Так, главный герой желает найти прекрасную принцессу Фатме и завоевать ее любовь, о чем он мечтал с юности. И вот, отправляясь в странствие в составе Братства, Г. Г. вновь предается своим юношеским воспоминаниям и мечтам. Упоминается в романе и женщина по имени Нинон, ревновавшая главного героя к Фатме. Поиск Фатме символизирует в романе поиск главным героем не только своего предназначения художника-творца, но и его постоянную тягу к поиску истины, божественного следа, смысла жизни. Из биографии Гессе известно, что его женой была женщина Нинон, которая не понимала его как творческую личность, не разделяла стремлений своего мужа к постоянным странствиям.

Поход, совершаемый главным героем и другими членами братства, не преследует какие-либо политические цели и не регулируется государственным законодательством. Более того, данное шествие

отвергало любые современные технические средства передвижения: *«Etappen unsrer Morgenlandfahrt, indem sie auf alle die banalen Hilfsmittel moderner Dutzendreisen, auf Eisenbahnen, Dampfschiffe, Telegraph, Auto, Flugzeug und so weiter verzichteten, wirklich ins Heroische und Magische durchgestoßen sind»* [2, S. 9] // «этапы нашего паломничества в Страну Востока, сопряженные с отказом от банальных удобств современного передвижения, как-то: железных дорог, пароходов, автомобилей, аэропланов, телеграфа и прочая, – вправду знаменовали некий выход в миры эпоса и магии» [3]. Это свидетельствует о том, что истинное искусство несовместимо с технократизмом. Кроме того, согласно принципу философского мировоззрения Китая – даосизма, все искусственное, созданное человеком, является помехой на пути к достижению божественного состояния. Являясь членом Братства, участником похода, главный герой жил с ощущением некоего единства, с чувством собственной сопричастности к чему-то великому. Само паломничество трактуется в романе как стремление, путь к некоей великой истине, к вечности, к Богу: *«es strömte dieser Zug der Gläubigen und sich Hingebenden nach dem Osten, nach der Heimat des Lichts, unaufhörlich und ewig, er war immerdar durch alle Jahrhunderte unterwegs, dem Licht und dem Wunder entgegen, und jeder von uns Brüdern, jede unsrer Gruppen, ja unser ganzes Heer und seine große Heerfahrt war nur eine Welle im ewigen Strom der Seelen, im ewigen Heimwärtsstreben der Geister nach Morgen, nach der Heimat»* [2, S. 17] // «шестствие истовых и предавших себя служению братьев на Восток, к истоку света, текло непрерывно и непрестанно, оно струилось через все столетия навстречу свету, навстречу чуду, и каждый из нас, участников, каждая из наших групп, но и все наше воинство в целом и его великий поход были только волной в вечном потоке душ, в вечном устремлении духа к своей отчизне, к утру, к началу» [3].

Были в Братстве и отступники, дезертиры, те, кто покидал мир поэзии, волшебства и уходил в мир порядка, спокойствия, размеренного бытия – в мир мещанства. Такие люди поддавались голосу ума и следовали ему, теряя веру в существование Братства. Таков удел многих: в юные годы жизни мы верим в любовь, добро, вечность, но со временем наше чувство прекрасного губится рассудком и общественными нормами. Мы прощаемся с нашими мечтами и привычкой смешивать поэзию с жизнью и возвращаемся в мир «испытанных железных дорог» к «полезному труду», до конца не осознавая, что найти обратный путь будет практически невозможно. Поэтому даосизм и призывает людей к возвращению в естественные условия, так как только среди нетронутой девственной природы можно услышать чистый божественный голос. Вступая в Братство, каждый его член становился сопричастным всей совокупности великих людей искусства со всего мира. В него входили и реальные исторические личности и вымышленные: Лао-Цзы, Новалис, Клигзор, Хуго Вольф, Brentano, Генрих фон Офтердинген, Дон Кихот и др. Художники-творцы с помощью своего таланта и мастерства создавали произведения искусства, что дарило людям эстетическое наслаждение, чувство прекрасного, приносили с собой «волну волшебства, которая ширилась и все подхватывала» [3].

Подобно многим покинул Братство и главный герой романа Г. Г.. Спустя много лет, он решил рассказать о своем паломничестве в Страну Востока. Только затея эта ему не удалась. Когда главный герой был участником похода, его блаженство *«bestand aus der Freiheit, alles irgend Erdenkliche gleichzeitig zu erleben, Außen und Innen spielend zu vertauschen, Zeit und Raum wie Kulissen zu verschieben»* [2, S. 33] // «состояло из свободы иметь все воображимые переживания одновременно, играючи перемешивать внешнее и внутреннее, распоряжаться временем и пространством за кулисами» [3]. Герой наслаждался искусством, изучал его, творил свои произведения, находил в этом цель своей жизни, но затем потерял смысл и ценность своей работы: *«es drohte alles seinen Wert, seinen Sinn zu verlieren: unsre Kameradschaft, unser Glaube, unser Schwur, unsre Morgenlandfahrt, unser ganzes Leben»* [2, S. 44] // «все угрожало лишиться ценности, своего смысла – наше товарищество, наша вера, наша присяга, наша паломничество, вся наша жизнь» [3]. Главный герой потерял веру в возрождение подлинного искусства. Он не чувствует себя способным сотворить значимое литературное произведение, которое смогло бы пробудить в людях нравственность, высокие духовные ценности, стремление к саморазвитию.

Ключевым в романе является образ слуги Лео, с исчезновением которого и распадается Братство. Лео выступает в роли своеобразного символа утраченной цели и надежды главного героя, запутавшегося в своих притязаниях на писательские лавры и утратившего веру в возрождение великого искусства. Лео жизнерадостен, приветлив и необычайно скромно: *«wirkte dieser Diener Leo einfach und natürlich, so rotbäckig gesund und freundlich anspruchslos»* [2, S. 30] // «Лео поражал несравненной простотой и естественностью, краснощеким здоровьем и дружелюбной непритязательностью» [3]. Главного героя не перестает занимать вопрос, почему участь поэта – одиночество и вечные поиски своего предназначения и самого себя, в то время как герои, созданные поэтом, являются полноценными и жизненными. Ответ на него дает ему именно Лео, указывая молодому музыканту, что в этом и заключается миссия поэта – слушать людям, отдавая своим произведениям самые лучшие мысли, всего себя. Не удивительно, что истина, поведенная Лео, остается для главного героя непостижимой. Он так и не может понять, как донести

до людей самое ценное и важное, и что оно есть: *«eine strahlende Reihe von Taten und Wundern bewahrt, deren Bild und Andenken mit ihm dahinschwindet, wenn es ihm nicht gelingt, etwas davon durch Wort oder Bild, durch Bericht oder Lied an die Nachwelt weiterzuleiten. Aber wie nur, durch welchen Kunstgriff wäre es zu ermöglichen, wie wäre die Geschichte unsrer Morgenlandfahrt irgend erzählbar zu machen?»* [2, S. 51] // *«Блистательная череда подвигов и чудес, память о коих исчезнет вместе с ним, если ему не удастся передать потомству нечто в слове или образе, в повествовании или песне. Но как, при помощи каких уловок искусства найти к этому путь, как мыслимо сделать историю нашего паломничества в страну Востока сообщимой читателю?»* [3]. Мы видим, что беспокойство, озабоченность главного героя своей миссией пробудить в людях желание к самосовершенствованию Гессе передает при помощи риторического вопроса.

Не обходит стороной автор и волновавшие его общественные и политические проблемы современности, а именно, деградацию европейского народа, закат европейского искусства: *«unsere Gemeinschaft, das Stärkste auf der Welt, sich hat auflösen können»* [2, S. 52] // *«распалась сама наша общность, самое крепкое, что было в мире»* [3] – снова и снова повторяют его герои. Уходит Лео и вместе с ним уходит, рушится всё европейское искусство. Г. Г. пытается сохранить веру в необходимость создания произведения о паломничестве и обращается за советом к другу юности, историографу Лукасу. Но Лукас, будучи скептиком, человеком рационального склада ума, смеется над Г. Г., называя паломничество «Крестовым походом детей». По сути, его слова – отражение позиции представителей современной науки, политики, государства в целом в отношении деятелей искусства. Искусство воспринимается ими как бесполезное занятие, а его представители, писатели, художники, музыканты, живут, по мнению большинства, в состоянии оторванности от реального мира. В этом упреке миру искусства в его оторванности от мира нашла свое отражение жизненная позиция самого Германа Гессе, критиковавшего современное искусство, и акцентировавшего внимание на его главной цели – воспитании людей, а не в их развлечении и отвлечении от реального положения вещей, особенно в условиях приближающейся войны. Историограф написал книгу о Первой мировой войне, в которой он принимал участие. Это было для него способом избавиться от пустоты и самоубийства, от переживаний, вызванных ужасом войны.

Спустя много лет, герой романа Г. Г. находит Лео. Он живет среди простых бюргеров и наслаждается своей жизнью: *«das müsse ein sehr glücklicher und sehr liebenswerter Mensch sein, der auf diese Art zu pfeifen wisse»* [2, S. 68] // *«это, должно быть, очень счастливый и очень располагающий к себе человек, если он может так насвистывать»* [3]. Г. Г. знакомо это насвистывание, эта веселая беззаботная мелодия из прошлого ранит его и одновременно радует: *«Wie tief und wie schrecklich hatte sich alles für mich verändert, wenn mich der Ton eines Pfeifenden, der Takt eines bekannten Schrittes, nur durch die Erinnerung an das verlorene Einstmals, so im Innersten treffen, mir so wohl und so weh tun konnte!»* [2, S. 70] // *«Как глубоко и как страшно переменилось для меня все, если звук насвистываемой мелодии, ритм знакомый шагов одним тем, что напоминал мне о потерянном былом, мог с такой силой ранить меня в самое сердце, мог причинить мне такую радость и такую боль»* [3]. Мотив музыки символизирует возвращение утраченного смысла жизни главного героя. Образ Лео неразрывно связан с юностью Г. Г., порой надежд, легкости и радости, порой паломничества в Страну Востока. Слуга Лео иллюстрирует пример того, что нужно сохранять в своей душе молодость. Кроме того, Лео показывает, что даже будучи членом Братства, т.е. человеком искусства, можно счастливо жить в мещанском мире и уметь смеяться: *«Gerade das ist es ja, das Leben, wenn es schön und glücklich ist: ein Spiel!»* [2, S. 76] // *«Именно игра и есть жизнь, когда она хороша!»* [3]. Мотив игры указывает герою на то, что нужно уметь играть в жизнь. Здесь снова возникает принцип двоемирия и единства мира, что заключается в китайской философской концепции инь и ян. Мы видим, что Г. Г. не способен отыскать гармонию между двумя мирами: бюргерской средой и духовной жизнью. Он чувствует себя одиноким и непонятым другими людьми. Между тем Лео выступает в романе символом гармонично развитой, целостной личности. Его умиротворенная улыбка, легкое юмористическое отношение к жизни, способность существовать в двух мирах одновременно указывает читателю на то, что Лео является своего рода Просветленным. Еще одно подтверждение этому мы находим в эпизоде с волкодавом Неккером. Волк является символом темной стороны человека, его природных естественных инстинктов (инь). Слуга Лео демонстрирует дружбу с псом, что символизирует гармонично развитую личность Лео. Он является Верховным Братства, т.е. подлинным человеком, гением, человеком искусства, и вместе с тем живет в мещанской среде и радуется жизни, умеет относиться к ней с юмором. Между тем волкодав Неккер рычит на Г. Г., указывая читателю на дисгармонию личности главного героя, его неспособность существовать в двух мирах одновременно.

С утратой Братства жизнь Г.Г превращается в мучительное одиночество, в безуспешные попытки осознать свое предназначение, найти свое место в мире. Не раз ловил он себя на мысли о самоубийстве, но пришел к выводу, что это не выход: *«Es war mir der «Tod» kein Nichts mehr, keine Leere, keine*

Negation» [2, S. 82] // ««Смерть» перестала означать ничто, пустоту, голое отрицание» [3]. Г. Г. постоянно испытывает боль, перестает ей противиться, видит в этом удел художника-творца.

Слуга Лео оказывается Верховным Братства. Над главным героем вершится суд, его оправдывают, прощая ему предательство. Г. Г. был дезертиром. Герой с удивлением и восхищением осознает, что Братство существует вечно и вне времени. При этом Герман Гессе прибегает к использованию риторического восклицания: «*Also es gab noch einen «Bund», von dem ich nichts mehr wußte, der ohne mich existierte und mich nicht mehr als zugehörig betrachtet hatte!*» [2, S. 86] // «Итак, Братство, о котором я и знать ничего не знал, продолжало свое бытие без меня и рассматривало меня попросту как отступника!» [3]. Таким образом, герой осознает, что он не одинок в этом мире. Существует множество писателей, художников, музыкантов и даже обывателей, кто так же, как и Г. Г. переживают кризис общества, войны, упадок культуры и искусства. А истинное великое искусство будет жить вечно, всегда будет прививать людям чувство прекрасного. Главный герой жил все время в одиночестве, видел вокруг себя лишь разрушающийся мир, довел себя до отчаяния, пытаясь руководствоваться в жизни лишь справедливостью и добродетелью. Суд как символ драматизированной формы самоанализа Г. Г. дает ему еще один шанс преступить отчаяние и пройти послушничество во второй раз, научившись юмору и игре в жизнь.

Финальная сцена романа описывает странную фигурку, которую находит главный герой. Необычность её в том, что сперва она состояла из двух ликов, что снова отсылает нас к принципу двоимирия, к философии инь и ян. Изображаемый на фигурке образ Г. Г. перетекал в образ Лео: «*Mit der Zeit, so schien es, würde alle Substanz aus dem einen Bilde in das andre hinüberriesen und nur ein einziges übrigbleiben: Leo. Er mußte wachsen, ich mußte abnehmen*» [2, S. 122] // «Со временем, надо думать, вся субстанция без остатка перейдет из одного образа в другой, и останется только один образ – Лео. Ему должно возрастать, мне должно умиляться» [3]. Образ слуги Лео несет в себе идею служения людям. А так как облик Г. Г. в фигурке переходит в образ Лео, это символизирует осознание главным героем, что задача художника-творца заключается в служении людям. Писателю должно пробуждать в них чувство любви, добра, человечности, самые лучшие их качества, а также побуждать к созиданию и духовным поискам, самосовершенствованию. Однако художнику-творцу не следует забывать о том, что жизнь – это игра, в которой главное – умение относиться ко всему с юмором и радоваться приятным мелочам и каждому мгновению. Переход образа Г. Г. в образ Лео указывает также на приближение главного героя к состоянию внутренней гармонии и просветленности, так как Лео является примером гармоничной личности.

Мы пришли к выводу, что мотив одиночества в романе «Паломничество в Страну Востока» связан с проблемами творческой личности. Главный герой произведения, будучи деятелем искусства, писателем, находится в постоянных поисках своего предназначения и места в мире и всю жизнь пребывает в одиночестве. Он пытается научиться жить с данным недугом.

В юности герой чувствовал сопричастность к Братству, которое трактуется в романе как вечная и вневременная совокупность людей искусства всего мира. Члены Братства совершают паломничество без технических средств передвижения в духе даосизма к истокам своей души, в которой заключен божественный свет. Движимые высокими духовными целями привнести добро и любовь в мир, они ищут способы осуществить свое предназначение художника-творца. Со временем герой теряет божественный след в своей душе и членство в Братстве. Г. Г. считает свое мастерство художника-творца неплодотворным и бесполезным, так как живет во времена упадка культуры и моральных ценностей человечества. Г. Г. мнит себя одиноким в своих страданиях, однако существует множество творческих людей, которые так же остро переживают общественно-политические проблемы эпохи. Герой проходит через ступень полного отчаяния, его посещают мысли о самоубийстве, однако со временем он перестает видеть в этом избавление от одиночества. Благодаря Лео, слуге и Верховному Братства, Г. Г. осознает, что истинное искусство живет вечно, и в его руках пробуждать в людях высшие духовные ценности. В этом и заключается главная жизненная цель человека искусства. Однако творец-художник должен уметь относиться к жизни с юмором и наслаждаться ею.

Лео в романе выступает как образ целостной, гармонично развитой личности, достигшей просветления. Эпизод с рычащим на главного героя волкодавом Неккером, где образ волка служит символом темной стороны (инь) Г. Г., указывает на дисгармонию двух начал инь и ян главного героя, его неспособность существовать в двух мирах (мещанском и духовном) одновременно.

Финальная сцена романа «Паломничество в Страну Востока», в которой представлена фигурка Лео, постепенно перетекающая в силуэт главного героя, указывает на приближение Г. Г. к достижению гармонии, внутренней свободы и подлинного счастья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hsia, A. Hermann Hesse und China. Darstellung, Materialien und Interpretation. Mit zahlreichen Abbildungen / A. Hsia. – Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1974. – S.339
2. Hesse, H. Die Morgenlandfahrt / H. Hesse. – Frankfurt am M. : Suhrkamp Verlag, 1990. – S.123
3. Гессе, Г. Паломничество в Страну Востока [Электронный ресурс]/ Герман Гессе // Hermann Hesse. – Режим доступа: <http://www.hesse.ru/books/read/?book=vostok>.